

Дикие цветы, травы и даже мелкие ягоды разрослись вдоль канавки, а по бокам кое-где вытянулись небольшие кустарники. Возможно, из-за того, что из пруда во дворе вода стекала не каждый день, прямо между камнями в русле пробилась травянистая растительность. Ся Дунли даже мельком заметил белый силуэт в зарослях щетинника — похоже, какая-то птица выгуливала птенцов.

В этот уголок он раньше как-то не заглядывал. Ся Дунли помнил, что, когда они только прокладывали канавку, здесь царила мертвая тишина, но незаметно всё вокруг закипело жизнью.

Удивляясь перемене, Ся Дунли в то же время озадаченно размышлял: разве ежи не ночные животные? Неужели они настолько активны среди бела дня? И неужели от испуга он убежал так далеко?

Едва он успел усомниться, не завел ли его Дами не туда, как бежавший впереди Мибао остановился и гордо твякнул на Ся Дунли.

Увидев россыпь маленьких зеленых фонариков, Ся Дунли на мгновение лишился дара речи.

Что ж, похоже, Дами решил, будто хозяин ищет именно эти плоды. Но раз уж пришли... Глядя на эту узнаваемую форму, Ся Дунли сразу вспомнил, что это за ягода!

Ведь в свое время он уже наступил на эти грабли.

В те годы на фруктовом рынке произвел фурор один плод с невероятно элитным имиджем и экзотическим названием — колумбийский физалис. Полкало продавалось за двадцать-тридцать юаней, притом в основном осенью да зимой.

Тогда, когда тепличные и импортные фрукты еще не были столь популярны, эта ягода благодаря яркой внешности и кисло-сладкому вкусу на какое-то время стала лучшим подарком к Чуньцзе. Лишь позже Ся Дунли узнал, что это не что иное, как физалис, местная достопримечательность Дунбэя. В Дунбэе целый огромный пакет такого физалиса можно было купить всего за пять юаней.

Впрочем, он помнил, что ягоды были желтыми и продавались зимой. Неужели этот красный сорт созревает уже сейчас?

Ся Дунли не сдержался, выбрал одну ягодку и очистил от чехольчика. Плоды внутри оказались зеленовато-красными — явно недозрелыми. Немного подумав, он осторожно надкусил кожицу. Едва сок коснулся зубов, как Ся Дунли показалось, что его душа вознеслась на небеса: кислый, вяжущий, горький — отвратительный на вкус!

Однако пах он точно так же, как та ягодка, которую он забрал у зверька.

Что ж, похоже, тот еж проделал кропотливую работу, отыскав среди незрелого физалиса одну из редких спелых ягод, пытаясь пробежал несколько сотен метров, а в итоге... оказался безжалостно ограблен...

Какая бедняжка!

Ся Дунли почувствовал укоры совести. Впрочем, выбирать в кустах среди укутанных плодов зрелые он действительно был не в силах, поэтому решил загладить вину своим способом.

Он снова открыл садок для разведения, выбрал несколько окуклившихся личинок зофобаса, выложил их на блюдечко и поставил под две приподнятые доски.

В отличие от шелкопрядов, зофобас при окукливании не плетет кокон: у куколки твердая только верхняя часть тела, а нижняя остаётся мягкой, так что двигаться она не способна, и можно не опасаться, что насекомые уползут из тарелочки.

Разумеется, чтобы убедиться, что жилец остался доволен извинениями хозяина дома, Ся Дунли поставил на пол Снеговичка и навел камеру прямо на щель. (Эй!)

Именно такую картину и застал вернувшийся Сюнь Вань: товарищ Сяо Ся, оттопырив зад, сидел на корточках на полу, таращась в телефон и пытаясь настроить объектив. Но поскольку «лицо» у Снеговичка было круглым, задачка давалась ему с большим трудом.

Сюнь Вань обомлел и опустился на корточки рядом с Ся Дунли:

— А-Дун?

— Сяо Вань! — юноша с несколько смущенным видом сел на пол, потер лицо и сквозь зубы произнес: — Твоя глина еще осталась? Одолжи мне немного!

В результате тем же вечером, когда А-Цы нерешительными шажками направился к своей «столовой», он выглядел довольно нервным. Днем тут, кажется, побывал человек, так что место больше не казалось безопасным.

Однако его чуткий нос упорно твердил: здесь пахнет едой!

В последние дни А-Цы совсем не наедался. Раньше это было отличное место с изобилием пищи, но сначала появился черный дрозд, который отбирал у него дождевых червей, затем прилетели прожорливые стрекозы, а недавно пожаловали даже вороны, чей рацион во многом пересекался с его собственным.

А-Цы передвигался медленно. Его главным преимуществом было то, что он охотился по ночам и питался в основном личинками насекомых да червями. Ночью остальные животные отдыхали, и никто не отбирал у него еду. Но если взрослые особи были подчистую съедены конкурентами, откуда же взяться личинкам?

Поэтому А-Цы пришлось переключиться на улиток, хотя на вкус они были не ахти. Эх, на самом деле он терпеть не мог улиток.

Но теперь и улитки подходили к концу, так что днем А-Цы пришлось выбраться наружу и поискать ягод, кто же знал, что именно эта ягодка его и выдаст!

У-у-у, что же теперь делать? Из столовой пахло человеком, но в то же время оттуда несся нежнейший запах насекомых! Притом на стадии окукливания — самых вкусных! Ах, как же хочется съесть!

А-Цы покружился на месте, но в конце концов не выдержал и поплелся к своей маленькой столовой. Ещё издали он уловил странный запах, а на привычной дороге появилось что-то незнакомое.

А-Цы подобрался ближе и потрогал находку: на ощупь странновато, местами шероховато, а местами гладко. Но зверек быстро потерял к этому интерес. Осторожно нащупав блюдечко, он

вытянул лапку, быстро сцапал лежавшую куколку и с молниеносной скоростью отправил ее в рот.

М-м-м! Что это за насекомое? Какая вкуснотища! Неужели здесь водятся такие штучки? Почему он раньше их не находил?

Лапка снова нашарила наощупь вторую куколку. А-Цы поспешно схватил ее, отправил в животик и тут же потянулся за третьей.

Главная заповедь семейства ежей гласила: только то насекомое хорошее, которое уже попало в животик! Пусть ежи обычно медлительны, но уж в скорости поедания пищи они никому не уступят.

Пошарив в тарелочке и убедившись, что больше ничего нет, А-Цы разочарованно побрел домой.

А на следующий день, проснувшись вечером на работу, он обнаружил у входа еще несколько куколок.

На третий день... На четвертый...

О-о-о! Что за сказочное место?

Пережевывая ароматное лакомство, А-Цы уже начал размышлять, не привести ли сюда и свою родню.

И вот спустя еще три дня камера наблюдения, установленная Ся Дунли под полом, четко запечатлела грандиозное шествие целой ежовой армии!

Картина, где огромные колючие шары чинно вели за собой крошечных «морских огурчиков», была до безумия милой!

Слово автора:

До прихода:

А-Цы: «Здесь та-а-ак много еды! Ужасно вкусной и много-много!»

После прихода:

Замороженная груша: «Бесплатный обед не может продолжаться вечно, надо усердно работать!!»

А-Цы: QWQ

Лето в Дунбэе всегда очень короткое. После летнего солнцестояния световой день постепенно сокращался, и температура ощутимо снижалась.

В июле и августе на севере наступила тяжелая пора чередования засухи и сырости.

Не поймите неправильно, так называемое чередование засухи и сырости обозначало экстремальную погоду: две недели нет ни капли дождя, так что приходилось качать воду для полива, а на следующей неделе заряжает проливной ливень, затапливая всё так, что приходится копать канавы для водоотвода.

Предупреждения о наводнениях и засухе сменяли друг друга, будто соревнуясь в чехарде, и от этого климатического экстрима тяжело приходилось не только растениям и животным, но и людям.

Однако на фоне всеобщего напряжения в провинции деревня Сяоцзинь выглядела довольно нетипично.

Хотя жители каждое утро, просматривая новости в телефонах, видели кучу штормовых предупреждений, а в телефонных разговорах слышали, как нелегко приходится знакомым, в деревне Сяоцзинь... все эти беды особо не ощущались.

Засуха действительно была, и дождя не выпадало много дней, но пока в соседних деревнях вспыхивали скандалы из-за того, кто сколько воды откачал из общего источника, в деревне Сяоцзинь по-прежнему царили мир, лад и полное благополучие.

Эта атмосфера всеобщего согласия привлекала к себе немало внимания, и вскоре из разных деревень стали приходить люди разузнать, в чем дело — особенно жители поселений ниже по течению. Впрочем, если приходили они с грозным видом, то уходили довольно посрамленными.

<http://bllate.org/book/18144/1757839>